

Люди и нравы за полвѣка ¹⁾.

XXVI.

Въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстого, какъ извѣстно, съ особымъ усердіемъ насаждалось такъ называемое классическое образованіе. Изъ нашихъ Омоковъ, Степовъ, Петрушекъ силкомъ хотѣли понадѣлать боговъ и героевъ древняго міра Греція и Рима. Не разсуждали, всѣмъ ли подъ силу это геройство; не принимали во вниманіе нашей русской природы; упускали изъ виду практическую пользу, каковая должна была народиться на русской-то почвѣ отъ латинскихъ и греческихъ сѣмянъ.

Главными предметами были объявлены древніе языки и математика (слава Богу, хоть ее-то не забыли!); природный и новые языки тоже не особенно были унижены—ихъ отнесли къ предметамъ второго разряда; а законъ Божій, отечественная и всеобщая исторія съ географіей и вовсе къ третьему.

Поступили по совѣту m-me Простаковой:—не учи, Митрофанушка, географіи, не барское это дѣло; на то извозчики есть, довезутъ куда нужно!

Раздѣлили предметы не по пригодности ихъ въ жизни, не по значенію ихъ внутреннему, воспитательному, а исключительно имѣли въ виду одну только ихъ трудность.

¹⁾ См. „Русская Старина“, августъ 1913 г.

И много подъ развалинами энергичной толстовской логики погибло русскихъ талантливыхъ!

А въ результатъ, прежде всего, получилось: „Умерла моя муза!“

Пока были живы старые короли литературы, питомцы, прежней школы, люди сороковыхъ годовъ: Тургеневъ, Толстой, Достоевскій, Салтыковъ, Островскій и ихъ сильные подголоски, вліяніе классицизма не особенно было замѣтно; какъ только они начали постепенно сходить со сцены жизни, такъ сейчасъ же стало ярко бросаться въ глаза, что на смѣну ихъ никого не пришлетъ наша классическая школа...

Умный былъ человекъ Д. А. Толстой, а въ этомъ дѣлѣ онъ сотворилъ глубокую ошибку...

Почти сорокъ лѣтъ вычеркнулъ онъ изъ жизни родины!

Да и въ самомъ дѣлѣ: съ десяти лѣтъ всю русскую юность подводитъ подъ одинъ ранжиръ, не считаясь ни съ индивидуальными наклонностями каждаго въ частности, ни съ особенностями русскаго характера, уклада русской жизни вообще...

Я буду еще имѣть случай поговорить о средней школѣ подробно, когда подойду къ ней поближе, а теперь пока ограничусь этимъ.

Въ 1874 году было сразу открыто что-то около десятка прогимназій по губернскимъ и уѣзднымъ городамъ, въ томъ числѣ и у насъ. Открывались онѣ легко: дай общество субсидію и помѣщеніе, остальное дастъ казна, и прогимназія открыта.

Классическія прогимназіи были родныя дѣтки всесильнаго графа Д. А. Толстого, онъ и покровительствовалъ имъ; а вотъ реальныя училища для него были пасынками и открывались или тамъ, гдѣ горожане давали деньги на его содержаніе полностью, какъ, на примѣръ, въ Скопинѣ, въ Рыковскомъ банкѣ, въ которомъ скоплялись громадныя суммы, заранѣе предназначенныя къ ограбленію вислоухихъ и жадныхъ вкладчиковъ, позарившихся на большой процентъ; или въ Зарайскѣ, въ уѣздѣ котораго было громадное имѣніе классика-Толстого.

На такихъ условіяхъ открылась и у насъ прогимназія: земство отпустило на ея содержаніе по три тысячи ежегодно, да городъ три съ половиной и домъ. Остальное дала казна.

Изъ скотопригоннаго двора задумали устроить римскій форумъ.

Митьки и Ёмки силкомъ обращались въ греческихъ юношей, но безъ олимпійскихъ игръ, безъ всего, чѣмъ была красна

жизнь древняго грека. Даже бани были далеко не тѣ; только однѣ грамматикн со всѣми безчисленными ихъ исключеніями цѣликомъ перенесены на русскую почву.

Это было что-то въ родѣ потемкинской зимы, когда великолѣпный князь Тавриды везъ великую царицу лѣтомъ, въ саняхъ, по дорогѣ, обильно усыпанной солью, которая должна была изображать изъ себя снѣгъ.

Учителей классиковъ не было; но это пустыки: навезли изъ Австріи.

Вагонами!

Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ изъ-за моря:

„Прійдите и володѣйте нами“.

Много министровъ смѣнилось послѣ Толстого, но ни у кого не хватало храбрости смѣло взглянуть въ глаза дѣйствительности. Принимались кое-когда циркулярныя мѣры къ парализаціи замѣтной порчи воздуха, но это были тѣ полумѣры, которыя едва-ли могли принести пользу.

Наконецъ, дождались энергичнаго, сильнаго старика Вановскаго, который сразу поставилъ крестъ на толстовской затѣѣ; умный старикъ-практикъ не убоился схватить быка прямо за рога. Вырвалъ изъ программы грека, обрѣзалъ римлянина, одного свелъ на нѣтъ, изъ другого—предметъ второстепенный; прибавилъ француза съ нѣмцемъ...

Дѣло его наследниковъ упорядочить эту систему, придать ей извѣстную стройность и поставить цѣль, къ которой школа должна стремиться.

На открытіе прогимназіи пріѣхалъ попечитель округа съ большою свитою. Въ помѣщеніи городской управы былъ устроенъ прекрасный обѣдъ, на который пригласили и весь личный составъ прогимназіи, и уѣздныхъ учителей, и насъ, мелкую сошку, приходскихъ учителей.

Конечно, забурлилъ неизбежный потокъ рѣчей, открывшійся безсвязной, нудной рѣчью попечителя.

Говорилъ онъ долго, и ничего не сказалъ...

Удивительная способность!

Наивные провинціалы ждали отъ него откровенія, а получили большой, игравшій всѣми цвѣтами радуги, мыльный пузырь...

И за чѣмъ только такихъ людей выпускаютъ изъ толщи столицы? Они незамѣтны среди крупныхъ звѣздъ столичнаго небосклона, а въ провинціи, какъ говорится, на самомъ юру,

они очень прозрачны и своею особой производятъ только „по-трясеніе основъ“...

На этомъ обѣдѣ попечитель познакомился и съ исправникомъ, какъ предсѣдателемъ училищнаго совѣта. Разновицкій ему очень понравился, и тотъ предложилъ ему перейти на службу въ министерство народнаго просвѣщенія. Разновицкій согласился, конечно, на соотвѣтствующую должность, и въ слѣдующемъ же году получилъ мѣсто директора народныхъ училищъ.

Съ такимъ назначеніемъ былъ сопряженъ и переводъ его кума, старичка-смотрителя, на должность инспектора народныхъ училищъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы чрезъ извѣстное время онъ подалъ въ отставку, получилъ бы инспекторскую пенсію (900 р. вмѣсто 400) и успокоился.

Такъ все и сдѣлалось, какъ по писанному.

* * *

Теперь позвольте мнѣ удариться въ область болѣе веселую, почти анекдотическую, хотя и безусловно вѣрную.

Ушелъ отъ насъ нашъ добродушный старичекъ-смотритель. Свершилось это событіе должно быть въ 1876 году. На его мѣсто переведенъ былъ другой, служившій когда-то учителемъ въ Донцѣ.

Много ходило разказовъ о его походахъ въ Донцѣ; героемъ являлся онъ въ разказахъ и подмосковнаго города; трудно вѣрилось этимъ розказнямъ; думалось, что это простая чesка языковъ провинціальныхъ туеядцевъ; но когда я познакомился съ нимъ поближе, то мнѣ стало ясно, что всѣ разказы о немъ были цѣликомъ взяты изъ жизни этого безспорно талантливаго, но безпутнаго и безхарактернаго человѣка.

Фамилія его Величь, имя—Николай Петровичъ.

О своемъ происхожденіи онъ говорилъ, что отецъ его сербъ, попалъ въ Россію, здѣсь женился и акклиматизировался.

Окончилъ Николай Петровичъ курсъ гимназіи и поступилъ въ одинъ изъ провинціальныхъ университетовъ, на филологическій факультетъ. Перейдя на второй курсъ, онъ принялъ приглашеніе на урокъ въ имѣніе какого-то помѣщика. Тамъ встрѣчаетъ онъ гувернантку, молодую, очень обстоятельную нѣмку.

Говорятъ, крайности сходятся...

Сошлись и они, и не только сошлись, но даже и ушли далеко за предѣлы ихъ педагогическихъ обязанностей...

Нужно было жениться. Нужно оставить университетъ и искать себѣ мѣсто учителя русскаго языка въ уѣздномъ училищѣ.

Сказано-сдѣлано. Мѣсто какъ разъ отыскалось въ Донцѣ, гдѣ я и познакомился съ первою частью его анекдотическихъ походовъ.

Жизнь уѣзднаго глухого городишки совсѣмъ захватила Велича въ свои скрюченныя лапы: онъ много пилъ, игралъ въ картишки, очень рѣдко уплачивая проигрышъ; аккуратно два раза въ недѣлю ѣздилъ къ старичку-помѣщику (пажу Екатерины, о которомъ я уже говорилъ), изрядно попивалъ тамъ водочку, плотно ужиналъ, хотя не упускалъ случая пройтись на счетъ „жеванныхъ“ котлетъ. Часто принималъ старичка у себя, но не иначе, какъ за возъ муки, пшена, картофеля, старновки, сѣна и т. п. годовыхъ запасовъ—иначе расчета не было; жалованья получалъ 24 р. 50 коп. въ мѣсяцъ; уроковъ частныхъ не имѣлъ, ибо въ нихъ никто не нуждался, а если чѣмъ и имѣлъ возможность увеличить свой скромный годовой бюджетъ, то это стихами на злобу дня, которые съ удовольствіемъ помѣщалъ (и хорошо платилъ) въ своемъ юмористическомъ журналѣ „Развлеченіе“, издававшій его Миллеръ. Среди стиховъ, отличавшихся и очень звучной римой, и игривостью содержания, попадались въ весьма хорошемъ переводѣ стихи Беранже и другихъ поэтовъ.

Но уѣздная среда властно засасывала его въ своемъ болотѣ, и не ему было подъ силу бороться съ ней: посильнѣе его люди гибли въ этой трясиной...

Временами находили и на него минуты просвѣтлѣнія, полоса благоразумія; дня два—три онъ никуда не выходилъ и былъ трезвъ. Я, конечно, не считаю законныхъ моментовъ—передъ обѣдомъ, передъ ужиномъ, когда онъ выпивалъ по двѣ, по три рюмки. У супруги его многого кой-чего не было, а водка была. Въ то время добродушная и расчетливая нѣмка еще не теряла надежды на исправленіе своего безшабашнаго супруга, какъ бы то ни было все-таки „отмѣченнаго божественнымъ перстомъ“.

И вотъ сидя какъ-то въ минуту его просвѣтлѣнія за самоварчикомъ, стала она нѣжно ворковать, въ шутливой формѣ, ломанымъ русскимъ языкомъ посылая деликатныя упреки своему вѣтреному мужу въ его невѣрности.

— Эхъ, милочка моя! Читала ты библію, или нѣтъ?

— Ну, конечно считала! съ улыбкой отвѣчаетъ та.

— Ну ка, вспомни Авраама... Вспомни черномазую Агарь...

А вѣдь ему, шутка сказать, было по нашему исчисленію лѣтъ 90, а по ихнему и вовсе, вовсе больше... А мнѣ-то вѣдь и 30 нѣтъ! Всѣмъ бы вамъ слѣдовало съ проматери Сарры примѣръ брать... Махнула рукой и кончено... Полное послушаніе... А нынче и „жена да боится своего мужа“ орутъ вамъ во всю глотку, а вы ничего не слышите...

Улыбнется только на это осчастливленная супруга и отъ всего сердца простить своего шалуна.

Вотъ въ такую-то именно минуту просвѣтлѣнія онъ внимательно оглядѣлся вокругъ и пришелъ къ заключенію, что изъ этой „яндовы“ надо бѣжать, если не желаешь побывшиться раньше времени и оставить вдову съ дѣтьми при пиковомъ интересѣ. Послалъ прошеніе о переводѣ поближе къ Москвѣ и былъ переведенъ въ тотъ именно городокъ, откуда къ намъ былъ назначенъ старичекъ-смотритель и мой товарищъ, перетаскившій меня изъ той же „яндовы“.

Оба они сообщили мнѣ массу рассказовъ о его походе-ніяхъ, и такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ были довольно забавны, то я и занесу ихъ въ свои воспоминанія.

Пріѣзжаетъ въ городъ на ревизію мѣстный губернаторъ. Съ нимъ вмѣстѣ прикатилъ и городской голова, миллионеръ-купецъ, большую часть года жившій въ столицѣ и только изрѣдка навѣщавшій городъ, гдѣ онъ главенствовалъ.

Вся ревизія капельнаго городка была закончена въ три-четыре часа. Забота головы состояла въ томъ, чтобы радушно принять дорогого гостя, угостить его на славу и показать ему всѣ мѣстныя рѣдкости. Въ городѣ былъ, между прочимъ, и несчастненькій музей, въ которомъ едва-ли что было достойное вниманія, а если и было нѣчто, то цѣнность этого нѣчто въ глазахъ людей болѣе или менѣе интеллигентныхъ, кое-что понимающихъ, была или подозрительна, или и вовсе неопредѣлима. Такъ никто и не интересовался этимъ музеемъ... Но разъ заявили губернатору, что существуетъ въ городѣ музей, и тотъ выразилъ желаніе съ нимъ познакомиться, то волей неволей нужно было избрать чичероне половчѣй, чтобы сумѣлъ дорогому гостю пустить пыль въ глаза.

Выборъ палъ на Велича, который, какъ рѣшилъ уѣздный ареопагъ, съ честью сумѣетъ выйти изъ положенія довольно затруднительнаго.

— Вотъ, Николай Петровичъ, вамъ общество намѣрено поручить миссію и почетную, и довольно щекотливую, начинаетъ издали заговаривать съ нимъ смотритель.

— Это что еще такое? Интересно послушать... но, имѣйте въ виду, я щекотки вообще не выношу.

— Видите ли въ чемъ дѣло... Общество просить васъ сопровождать завтра г. начальника губерніи въ музей... Показать и рассказать ему обо всемъ, что тамъ имѣется.

— Господи помилуй!.. Пятый годъ я здѣсь живу и не слыхивалъ, что у насъ какой-то музей есть... Ну, васъ къ Богу! не пойду я срамиться съ вашимъ музеемъ.

— Ну, ужъ вы не подводите городского голову; онъ уже пригласилъ на завтра туда губернатора... Указалъ на васъ, какъ на выдающагося человѣка... А сегодня всю нашу корпорацію пригласилъ къ себѣ на вечеръ съ отличнымъ ужиномъ...

— Э! Батенька! Вамъ бы съ этого и начать слѣдовало... Коли потомственный почетный гражданинъ пригласилъ на вечеръ, такъ нечего и разговаривать... Я готовъ къ услугамъ дорогого гостя. Только вотъ что... все-таки надо хоть немного подготовиться... ознакомиться съ каталогомъ... а то я совсѣмъ понятія не имѣю, изъ чего состоитъ этотъ музей...

— Ну, каталога - то, кажется, тамъ нѣтъ... да вы завтра утречкомъ зайдите туда, познакомьтесь... Да васъ учить нечего... Ну, приврите что-нибудь отъ себя.

— „Приврусь, Михаилъ Васильевичъ, охотно приврусь!“ отвѣчаетъ тотъ и тономъ, и словами Расплюева. Авось все пройдетъ благополучно.

Дѣйствительно, миллионеръ-купецъ устроилъ вечеромъ пиръ, какъ говорится, на весь міръ: вина, закуски, провизія, фрукты, повара и вся прислуга—все было привезено изъ столицы.

На вечеръ собрался весь городъ. Величъ былъ особо представленъ губернатору, какъ человѣкъ, которому поручено обществомъ сопровождать его превосходительство въ музей.

Остроумный и находчивый Величъ такъ заинтересовалъ губернатора, что тотъ ни на минуту не отпускалъ его отъ себя.

— Ну, что, какъ дѣла? спрашиваетъ Велича ликующій смотритель, когда начальникъ губерніи подошелъ къ земцамъ и на время освободилъ Велича.

— Ну, его къ чорту! Надоѣлъ, какъ собака! Люди давно водку пьютъ, а ты тутъ съ нимъ валандайся... Дуракъ какой-то: догадки ни на грошъ... Пойти выпить, пока онъ тамъ болтаетъ

съ земцами... А то всю свѣжую икру съѣдятъ и попробовать не оставятъ... Ишь вѣдь прожорливыя акулы собрались...

И онъ тронулся къ буфету.

Губернаторъ, увидя его уходящимъ, черезъ весь залъ кричить:

— Николай Петровичъ! Вы куда же?

Тотъ, недовольный, возвращается назадъ, неторопясь подходить къ губернатору и тихо говоритъ:

— Я въ буфетъ, ваше превосходительство; у насъ въ Архангельскѣ въ это время штукъ по десяти ужъ успѣли пропустить...

— Да вы развѣ изъ Архангельска?

— Изъ Архангельска. Дальній родственникъ Ломоносова, безъ запинки вралъ тотъ. Не угодно ли, в. п., пожаловать вмѣстѣ...

— Съ большимъ удовольствіемъ! Вы такой интересный собесѣдникъ, что съ вами очень пріятно можно провести время.

И губернаторъ интимно беретъ его подъ руку, и оба чинно шествуютъ въ буфетъ...

Величу только и надо было. Ему бы лишь забратъся въ этотъ уголокъ земли обѣтованной, а ужъ вытащить его оттуда не скоро вытащишь.

Величъ внимательно осмотрѣлъ громадный установленный всевозможными деликатесами столъ, и зоркій глазъ его прежде всего остановился на серебряномъ ведеркѣ съ великолѣпнѣйшей свѣжей икрой.

— Что прикажете налить, в. п.?

— Да чего-нибудь полегче...

— Не выгодно, в. п.: помещеніе маленькое, легкимъ-то его займешь, тяжелого дѣвать будетъ некуда. Совѣтую начать съ водки... благо, закуска хороша...

Посмѣиваясь, губернаторъ согласился и рюмку водки...

Величъ и пьетъ, и закусываетъ, и анекдотъ за анекдотомъ рассказываетъ. Губернаторъ начинаетъ смѣяться отъ души... А Величъ и говоритъ, и водку наливаетъ. Такъ по одной, да по одной и набрались они препорядочно... Друзьями сдѣлались такими, что и водой не разольешь; жить другъ безъ друга не могутъ... Къ ужину пошли опять подъ ручку и усѣлись рядкомъ...

На утро проснулся Величъ и вспомнилъ, что ему предстоитъ провожать губернатора въ музей. Посмотрѣлъ на часы... ба-тющки! одиннадцатый уже...

А осмотръ назначенъ въ 11.

Послала супруга ему за сельтерской водой; онъ умылся, окатилъ туманную голову холодной водой, тщательно выполо-скалъ ротъ, надѣлъ чистую манишку и манжеты, натянулъ на себя форменный потертый фракъ, предательскіе глаза задрапировалъ темными очками, и явился парень хоть куда, молодець-молодцомъ!

Ровно въ 11 онъ уже былъ въ пріемной губернатора и велѣлъ о себѣ доложить. Губернаторъ тотчасъ же вышелъ въ пріемную и, протянувъ обѣ руки впередъ, пошелъ навстрѣчу къ своему новому другу.

— Очень, очень радъ васъ видѣть! Здоровы ли вы? Спасибо, что не забыли вашего обѣщанія...

— Какъ можно забыть, в. п.! Съ семи часовъ я уже на ногахъ; надо было подготовиться, чтобы достойно встрѣтить такую высокопоставленную особу...

— Очень, очень вамъ благодаренъ, глубокоуважаемый, Николай Петровичъ! Я сейчасъ буду готовъ къ вашимъ услугамъ...

Гость скрылся въ кабинетъ и скоро вышелъ оттуда съ цилиндромъ и перчатками въ рукахъ. Они одѣлись и вышли. У подъѣзда стояла коляска и заводская пара вороныхъ рысаковъ городского головы. Особенно важно усѣлся въ ней Величъ, и они поѣхали въ музей.

XXVII.

— Скажите, пожалуйста, Николай Петровичъ, вы постоянно завѣдуете музеемъ, такъ сказать, хранитель его? заговорилъ губернаторъ, какъ только они усѣлись и тронулись въ путь.

— Нѣтъ, нѣтъ... ваше превосходительство, торопливо и какъ-то испуганно отвѣчаетъ Величъ. Я очень недавно взялъ его въ свои руки и не успѣлъ хорошенько ознакомиться съ нимъ...

— А интересныя вещи имѣются въ музеѣ?

— М... м... да... есть. Немного, но есть... Правда, происхожденіе ихъ уходитъ въ такую глубь вѣковъ, что у насъ здѣсь нѣтъ людей, которые смогли бы точно опредѣлить всю ихъ но... все-таки...

Бесѣдуя, такимъ образомъ, они подкатили къ дверямъ хранилища мѣстныхъ рѣдкостей.

Не подумайте, что это было особое зданіе, специально построенное, какой-нибудь затѣйливой архитектуры...

Нѣтъ, просто отведена была лишняя комната въ полицейскомъ управленіи по сосѣдству съ кутузкою и жильемъ пожарныхъ служителей.

— Ахъ, вотъ гдѣ помѣщается вашъ музей!... Мѣсто знакомое... Я вчера еще здѣсь побывалъ... И пришлось долго сидѣть...

— Вы счастливѣе меня, ваше превосходительство: шестой годъ живу здѣсь, а въ полиціи еще ни разу не сидѣлъ...

Губернаторъ расхохотался. Величу только и надо было привести его превосходительство въ хорошее расположеніе духа.

Чѣмъ выше они подымались по лѣстницѣ, тѣмъ воздухъ становился тяжелѣе, тѣмъ больше чувствовалось въ немъ постороннихъ примѣсей: казарма пожарныхъ съ ихъ присными и арестантская давали о себѣ внять.

— Однако тутъ воздухъ... не того...

— Смѣю увѣрить, ваше превосходительство, что это не отъ музея! Тамъ—вещи, а это все люди...

На верхней площадкѣ выстроились къ приему: исправникъ, его помощникъ, вся канцелярія правленія, пожарные служители и полицейскіе солдаты въ новой формѣ.

Увидалъ Величъ одного знакомаго полицейскаго при полномъ вооруженіи и сейчасъ же выдалъ государственную тайну:

— Батюшки!.. Анисимычъ!.. тебя ли я вижу?! по базару ходить и наводить порядки въ шинели, валенкахъ, въ бараньей шапкѣ, да съ жезломъ въ рукахъ, а тутъ на-ка поди какъ вырядился, и не узнаешь. И холодное, и горячее оружіе прицѣпилъ.

Анисимычъ добродушно улыбается; улыбается и Величъ, и губернаторъ, а исправникъ покраснѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ, и былъ бы радъ сквозь землю провалиться...

Подходятъ къ двери „музея“, на которой виситъ большой новый замокъ.

Желая подсадить и Велича съ своей стороны, исправникъ говоритъ съ любезною улыбкой на устахъ:

— Хоть вы, Николай Петровичъ, считаетесь у насъ хранителемъ музея, а должно быть въ первый разъ являетесь сюда...

— Извините, я въ четвергъ былъ здѣсь...

— Какъ же это вы ухитрились пройти сквозь запертыя двери. Вѣдь ключъ-то былъ у меня...

— Вы ошибаетесь... У васъ былъ ключъ, но только, вѣроятно, отъ другого замка, а на этой двери и замка-то никогда не висѣло: видите (говоритъ Величъ, потрясая замкомъ передъ

носомъ исправника и губернатора) замочекъ-то новенькій, только-что купленный для его превосходительства...

Опять нарвался исправникъ... Губернаторъ почувствовалъ неловкость и сталъ выводить разговоръ на другую дорогу...

Вотъ, наконецъ, они и въ музеѣ...

Боже! чего тутъ только не навралъ Величъ! Фантазія его распалилась, языкъ развязался,—удержу нѣтъ, такъ и сыплеть, такъ и сыплеть... Слѣдить за нимъ со вниманіемъ не было никакой возможности...

И чего онъ тутъ только не наплелъ: и остатокъ остова мамонта, и зубъ архангела Михаила, и обломокъ лѣстницы, которую видѣлъ во снѣ Іаковъ, и чернильница съ перомъ, которымъ никогда-никогда не писалъ Петръ Великій!...

Губернаторъ покатывался со смѣху; Величъ говорилъ очень серьезно; на губахъ исправника играла скоротившаяся улыбка...

Ревизія благополучно кончилась и въ четыре часа, послѣ обѣда у головы, губернаторъ со свитой оставилъ нашъ богоспаемый городишко.

Прощаясь со всѣми его провожавшими, онъ особенно горячо пожималъ руку Велича, приглашалъ его къ себѣ, и даже подставилъ свою чисто выбритую щеку для поцѣлуя.

Но Величъ щекотливъ. Замѣтя привычку губернатора подставлять для поцѣлуя свою щеку, вмѣсто губъ, онъ тоже щеку подставилъ, и они очень любезно потерлись другъ о друга.

— Вижу я, что онъ всѣмъ подставляетъ для лобызанія свою щечку, а тѣ съ дуру-то прикладываются къ ней, я подумалъ: погоди! Я же уважу: цѣловаться, такъ цѣлуйся, какъ слѣдуютъ, а не трись, словно свинья объ уголь...

Это было въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, въ полный размахъ либерализма, когда и не такія прямолинейныя натуры, какъ Велича, откровенно ворчали на всякій недодѣланный шагъ къ сближенію съ гражданскими со стороны властей предержавшихъ...

* * *

На другой день штатный смотритель получилъ очень милое письмо отъ головы:

„Достоуважаемый Василій Ѳедоровичъ! Вчера мы проводили губернатора, а сегодня не проводите ли меня? Очень прошу васъ пожаловать къ 7 часамъ вечера съ супругою. Передайте всѣмъ вашимъ сослуживцамъ мое искреннѣйшее желаніе видѣть ихъ у себя сегодня, а особенно Николая Петровича Велича.

Вашъ N. N.“

Письмо это смотритель принесъ въ учительскую и показываетъ всѣмъ педагогамъ.

— Ишь!.. достоуважаемый... Гм! Посмотримъ, чѣмъ-то ты будешь кормить достоуважаемаго-то... Попробуй только подать вчерашніе объѣдки, такъ я же дамъ... Уважу достойно!..

Наступилъ вечеръ. Величъ сталъ собираться въ гости: надѣлъ чистую манишку, черный сюртукъ и постоянно вертѣлся около зеркала...

— Николай Петровичъ! а меня не приглашали? спрашиваетъ супруга...

— На нынѣшній вечеръ—нѣтъ; вѣдь головиха-то въ Москвѣ осталась... Скоро пріѣдетъ, и тогда онъ обѣщался устроить вечеръ съ дамами. Готовься!

— Ничего подобнаго не было: вралъ супругъ безпощадно...

Разсчитывая съ смотрителемъ сыграть обычную партію въ копеечный ералашъ, Величъ захватилъ у жены послѣдніе три цѣлковыхъ.

Г.г. чиновники не отличались особенной аккуратностью въ службѣ: учителя, на примѣръ, ни одного урока не начинали въ время, вѣчно съ запозданіемъ на пять, на десять минутъ, благо, добрякъ-начальникъ смотрѣлъ на это сквозь пальцы; но въ гости, а особенно къ головѣ, у котораго они собирались три-четыре раза въ годъ, гдѣ угощеніе всегда было не только обильное, но и изысканное, они являлись аккуратно къ назначенному времени; еще семь-то часовъ только било, а входныя двери дома городского мэра то и знай хлопали, принимая дорогихъ гостей.

Въ залѣ накрытъ одинъ громадный столъ, уставленный закусками и виномъ; прислуга разносила чай съ разнообразными къ нему принадлежностями; въ гостиной и обширномъ кабинетѣ хозяина разставлены карточные столы, съ запечатанными играми картъ, за которыя денегъ брать съ гостей не полагалось.

Народу тьма; дѣйствительно весь городъ налицо: и купечество, и гласныя думы, и земцы, и духовенство, и чины всѣхъ ранговъ и вѣдомствъ.

Конечно, времени не теряли: выпили по стаканчику чайку и стали группироваться въ партіи, предварительно заложивши основательный фундаментъ за „губернскимъ“ столомъ.

Нужды нѣтъ, что раненько! Это слово употреблялось развѣ только на службѣ.

Составилась и обычная учительская партія въ грошовый ералашъ—единственная игра, въ которую умѣлъ и любилъ играть смотритель. Съ нимъ усѣлся приходскій учитель, офицеръ—артиллерійскій и Величъ.

Величу везло ужасно; онъ уже началъ злиться, что съ такимъ-то счастьемъ усѣлся въ грошовую партію, тогда какъ ему предлагали въ стуколку... А стуколка шла на многихъ столахъ, при чемъ ставка была отъ пятиалтыннаго до шести рублей.

Изъ себя выходилъ Величъ и постоянно подбѣгалъ къ стуколистамъ, съ завистью смотря, какъ деньги кучею переходили отъ одного игрока къ другому.

Наконецъ, шесть роберовъ сыграли. Величъ одинъ выигралъ по ихнему счету громадную сумму въ два съ половиной. Всегда давая прислугѣ на чай, онъ тутъ не далъ ничего; примѣта такая: „съ выигрыша передъ игрой не давай“, а въ примѣты онъ крѣпко вѣрилъ.

Примостился онъ къ стуколкѣ по пятиалтынному; и тутъ повезло: въ полчаса десять—пятнадцать рублей взялъ.

Э! думаетъ: надо пользоваться! Вотъ что значить жены-то не взялъ съ собой... А то терлась бы около меня тутъ, да ахала... да глаза бы таращила... Ну, и...

Съ этими деньгами онъ задумалъ перейти къ столу, гдѣ ставка была уже полтора рубля.

„Иль отыграю все имѣнье,
Иль проиграю и жену!“

думалъ онъ, какъ Лермонтовскій казначей.

И тутъ повезло безумно: выиграетъ пятерку и въ карманъ. Остричь, смѣется самъ, покатывается со смѣху и вся окружающая столъ публика.

— Ну, какъ дѣла, Николай Петровичъ? спрашиваютъ его.

— Да, ничего-съ! Слава Богу! съ особеннымъ выраженіемъ отвѣчаетъ онъ.

— Дѣтишкамъ на молочишко заработали?

— Какое тамъ молочишко! И себѣ на сапоги съ галошами прибрѣлъ, и женѣ на бурнусъ...

— Ого... го... го!..

— Вотъ тебѣ и о-го-го!.. Не такъ еще загогочешь, погоди, дай срокъ! Я сегодня не побѣдимъ... Теперь бы еще на салоги женѣ и будетъ...

Но, увы! счастье не долговѣчно...

Часу въ третьемъ ночи, послѣ ужина, игра продолжалась, но веселый духъ отлетѣлъ отъ Велича; фортуна повернулась къ нему бочкомъ; онъ приумолкъ, сталъ тише воды, ниже травы...

— Ну, какъ дѣла?

— Что дѣла... дѣла швахъ... Отъ сапогъ съ галошами одни голенища остались... полбурнуса тоже спустилъ съ аграмантомъ... Ужъ не бросить ли?

— Ну, авось...

Игра продолжалась... Карта шла самая подлая, предательская: на маленькій ремизъ—семерки берутъ, на большой—король самъ другъ пропадаетъ...

— Къ утру все спустилъ бѣдняга и даже свои послѣдніе три цѣлковыхъ...

— Обозленный неудачей, онъ потихоньку обошелъ всѣ карточные столы, собралъ съ нихъ попавшіяся ему на глаза еще неубранныя колоды картъ, въ которыя играли, и безцеремонно положилъ къ себѣ въ карманы, приговаривая:

— Съ лихой собаки, хоть шерсти клокъ!

Этимъ только и утѣшился...

* * *

Товарищъ мой, какъ человекъ и трудолюбивый и способный, имѣетъ очень много постороннихъ уроковъ, и тѣмъ зарабатывалъ весьма почтенную сумму; почтенную, конечно, сравнительно.

Идетъ у него обычный экзаменъ, послѣ котораго онъ всѣхъ экзаменаторовъ пригласилъ къ себѣ на холостецкую закуску. Въ числѣ экзаменаторовъ былъ и Величъ, какъ учитель русскаго языка. Разносоловъ на закуску никакихъ особыхъ приготовлено не было, но квартирной хозяйкѣ удалось приобрѣсти великолѣпнаго поросенка, котораго она сварила, наръзала на порціи, залила и подала съ приправой прекрасной сметаны съ хрѣномъ.

Собралась педагогическая братія, выпила, закусила и пошла домой. Идутъ и дорогой весело разговариваютъ.

— Какой прекрасный былъ поросенокъ! И гдѣ только такого онъ досталъ? Сливки, а не поросенокъ! восхищался смотритель.

— Поросенокъ-то хорошъ, только вотъ сметана-то горькая! не утерпѣлъ замѣтить Величъ.

— Какъ горькая?! Что вы!..

— Да конечно горькая! только поросенка-то ею испакостили.

— Да что вы, Николай Петровичъ, она была смѣшана съ хрѣномъ, оттого и показалась вамъ горькою...

— А! можетъ быть... можетъ быть...

На другой день какъ разъ былъ экзамень Велича по русскому языку.

Написали диктантъ, перешли къ экзамену устному: чтеніе, разсказъ, разборъ, склоненіе, спряженіе...

— Ну-ка, останавливаетъ одного бойкаго мальчугана смотритель: склоняй горькая сметана.

Тотъ и пошелъ: горькая сметана, горькой сметаны... горькую сметану и т. д.

Общій хохоть. Недоумѣло смотритъ мальчуганъ на всѣхъ экзаменаторовъ.

Величъ изъ себя выходитъ... Покраснѣлъ, какъ ракъ, ерзаетъ на мѣстѣ...

Но онъ въ долгу не остается...

Просклонялъ мальчикъ въ единственномъ числѣ и остановился.

— А какъ будетъ во множественномъ? спрашиваетъ смотритель...

— Не имѣть! отрѣзываетъ мальчуганъ.

— А „дуракъ“! Какая часть рѣчи? спрашиваетъ Величъ.

— Существительная.

— Имѣть множественное число?

— Имѣть.

— Непремѣнно...

Всѣ расхохотались.

— Склоняй во множественномъ. Я тебѣ буду говорить предложеніе, а ты вставляй это слово.

— Гогочетъ—кто?

— Дураки.

— Конечно. Кому я даю урокъ?

— Дуракамъ.

— Кого я вразумляю?

— Дураковъ.

— Кѣмъ все это устроено?

— Дураками.

— Ну, больше не будемъ говорить, о комъ?

— О дуракахъ.

Превеселый былъ экзамень.

* * *

Еще одно послѣднее сказанье о моемъ забавномъ сослуживцѣ.

Среди площади маленькаго городишка стояли большіе каменные ряды съ лавками. Осень; грязь непролазная; дождь сѣетъ какъ сквозь сито; всѣ сидятъ дома и только бродячія натуры педагоговъ шляются по городу и ищутъ огонька. Огонекъ горитъ въ знакомой квартирѣ, значить, ховяева дома; а дома—значить, и преферансъ, и яичница-глазунья, и рюмка водки къ вашимъ услугамъ.

И вотъ, выбирая протоптанную дорожку около рядовъ, идутъ два педагога, ищутъ гостепріимнаго огонька; и видятъ они издали тоже фигуру съ большимъ фонаремъ въ рукахъ, внимательно разыскивающую себѣ путь. Фигура знакомая—Величь. Надо подшутить надъ нимъ. Спрятавшись за уголъ, шутники измѣненнымъ голосомъ кричатъ:

— Шалыганъ!

Величь оборачивается въ сторону, откуда слышенъ голосъ, и идетъ на него...

Тѣ удираютъ отъ него и, обѣжавъ все зданіе кругомъ, очутятся опять свяди Велича и крикнуть:

— Шалыганъ!

Изъ себя выходитъ Величь, а поймать невинныхъ проказниковъ не можетъ: онъ-то съ фонаремъ, его видно, а тѣ безъ фонаря.

Прибѣжавъ къ углу, они опять кричатъ:

— Шалыганъ!

И вдругъ передъ ними Величь вынимаетъ изъ-подъ полы фонарь! Надулъ таки ихъ, поймалъ!

Ну, конечно, всѣ отправились на „огонекъ“.

Такъ незатѣйливо и наивно проводили время въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ кучка самыхъ образованныхъ и развитыхъ людей мѣстнаго общества.

Ничего нѣтъ мудренаго, что въ концѣ концовъ не они подымали общество до себя, а сами впадали въ него, какъ Ока въ Волгу, и неслись стремительно въ болото житейское.

Вотъ какіе рассказы предшествовали появленію на нашемъ горизонтѣ новаго зрителя, Велича.

Само собою разумѣется, что на особое уваженіе съ нашей стороны новый начальникъ рассчитывать не могъ; такъ и смотрѣли мы на него, какъ на неглупаго сорокалѣтняго шалыгана.

Съ открытіемъ у насъ прогимназіи явились новыя лица, учителя гимназіи, люди съ высшимъ образованіемъ. Стали мы къ нимъ присматриваться, ощупывать ихъ, искать въ нихъ

чего-то высшего, для насъ мало доступнаго. На этихъ лицъ университеты, какъ думали мы, должны были наложить извѣстный отпечатокъ не только въ сферѣ ихъ специальности, но и во всемъ другомъ.

Интересно было понаблюдить за ними...

Къ какимъ выводамъ пришли мы въ своихъ наблюденіяхъ, я думаю сгруппировать въ послѣднихъ главахъ моихъ записокъ, а теперь передамъ любопытные рассказы одного мирового судьи, служившаго когда-то ординарцемъ при виленскомъ генералъ-губернаторѣ, извѣстномъ графѣ М. Н. Муравьевѣ-Виленскомъ.

XXVIII.

Политическій горизонтъ Россіи со всѣхъ сторонъ былъ покрытъ густыми, непроницаемыми тучами, не предвѣщавшими ничего хорошаго. Три первоклассныя державы—Англія, Франція и Турція—объявили войну Россіи; къ нимъ присоединилась капелльная Сардинія, изображавшая изъ себя Крыловскаго „Зайца на ловлѣ“. Вѣчно лукавая наша сосѣдка Австрія, объявившая нейтралитетъ, стала вести себя подозрительно: она привела на военное положеніе значительную часть своего войска и поставила его на границѣ Россіи, выжидая удобнаго момента сказать послѣднее слово, но не въ нашу пользу. Это была благодарность за то, что назадъ тому четыре—пять лѣтъ Императоръ Николай I послалъ войско противъ взбунтовавшихся венгерцевъ, удачно подкапывавшихся цодъ тронъ юнаго австрійскаго императора Франца. Венгерцы смирились. Францъ царствовалъ, но... только царствовалъ, а не управлялъ, и наблюдательный за дѣйствіями Россіи корпусъ былъ придвинутъ къ ея границамъ.

Неудачи неотступно преслѣдовали русскихъ, несмотря на все геройство и солдатъ, и офицеровъ. Дороги были непроходимы; войска свозили къ Крымскому полуострову на лошадяхъ; оружіе плохое, интендантская часть страдала во всѣхъ отношеніяхъ... Интендантскій размахъ былъ полный,—безудержный, ибо о какихъ-либо сенаторскихъ ревизіяхъ никому и на умъ не приходило.

Сердобольный цесаревичъ все это видѣлъ, все понималъ и неуклонно рѣшилъ въ сердцѣ своемъ эмансипировать родную страну отъ корня до маковки.

18 февраля 1855 года умеръ Императоръ Николай I, а 19-го на императорскій тронъ Россіи возсѣлъ его первенецъ—Але-

ксандръ II, мягкій, сердечный, „съ душой открытой для добра“, питомецъ В. А. Жуковскаго.

Пошла генеральная ломка всего: и арміи, и суда, и общественныхъ самоуправленій, и народнаго просвѣщенія; милліоны рабовъ получили свободу, положеніе о которой разрабатывалось довѣренными лицами Царя-Освободителя въ теченіе многихъ лѣтъ. Это свершилось 19 февраля 1861 года. Русь кипѣла въ собственномъ соку, одно событіе громадной важности съ головокругительной быстротой смѣнялось другимъ.

Въ 1862 году заволновались Польша и Литва. Между владыками Варшавы и Вильны шла рознь, благодаря которой пожаръ возстанія съ большимъ успѣхомъ распространялся все далѣе и далѣе и охватилъ собою весь западъ. Западные державы съ Франціею во главѣ задумали было втереться въ эту грязную исторію, но депеша князя Горчакова къ нашимъ представителямъ при дворахъ великихъ державъ твердо указала, что это внутреннее дѣло Россіи; „старинный споръ славянъ между собою“, и ихъ касаться не можетъ, а потому и просилъ не очень беспокоиться на этотъ счетъ, и не совать своего носа туда, гдѣ ихъ не спрашиваютъ.

Серьезный, твердый топъ горчаковской ноты сразу охладилъ предприимчивость авантюриста, занявшаго французскій престолъ подъ именемъ Наполеона III, и польскій вопросъ былъ признанъ вопросомъ внутреннимъ, ни съ какой стороны интересовъ другихъ державъ не касавшимся...

Генераль-губернаторомъ въ Вильну былъ назначенъ М. Н. Муравьевъ, который шутить не любилъ, и мятежъ сталъ затихать.

При Муравьевѣ, конечно, состояли адъютанты; была громадная канцелярія; всѣ они работали, не покладая рукъ, а больше всѣхъ—самъ Михаилъ Николаевичъ; работалъ и день, и ночь, не зная отдыха. Съ петербургскими заправилами, погрязшими въ придворныхъ интригахъ, онъ не считался, а дѣлалъ свое дѣло на основѣ тѣхъ безграничныхъ полномочій, которыя даровалъ ему самодержецъ.

Постоянныя экзекуціи вынудили Муравьева прикомандировать къ себѣ нѣсколько воинскихъ частей, преимущественно кавалеріи: гусарь, уланъ, казаковъ. Молодые офицеры-кавалеристы состояли при немъ ординарцами, и вотъ именно отъ одного изъ нихъ я слышалъ много интересныхъ разсказовъ о его службѣ въ Западномъ краѣ при Муравьевѣ, настолько интересныхъ, что я рѣшился занести ихъ въ свои записки.

1864-й годъ далъ намъ новые судебные уставы и реформированные суды; общество само стало выбирать себѣ судей, причемъ въ мировые судьи могли попасть только лица образованныя и обеспеченныя матеріально. Творецъ устава не виноватъ, что нѣкоторыя общества стали обходить его требованія; что „за неимѣніемъ гербовой, писали часто на простой“.

Въ такихъ мѣстахъ, какъ, на примѣръ, въ Донецкомъ уѣздѣ, гдѣ помѣщики были люди и образованные, и богатые, питавшіеся не краешкомъ земскаго пирога, не евангельскими крупницами, падавшими со стола господъ, а своими собственными средствами, тамъ, конечно, великая судебно-мировая реформа попала въ надежныя руки и несомнѣнно стояла на подобающей ей высотѣ; но тамъ, гдѣ подобныхъ людей не было, гдѣ приходилось набирать эту братію съ бору, да съ сосенки, гдѣ нужно было обойти букву закона и не считаться съ духомъ его, тамъ сплошь и рядомъ надѣвали на себя мундиръ пятого класса господа, высоко-задиравшіе носы въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ, а за полгода до новыхъ выборовъ усердно лизавшіе пятки у гласныхъ верховодившей въ данное время партіи. Находились даже благодѣтели, которые такимъ судьямъ покупали какую-нибудь „хижину дяди Тома“, оцѣнивали ее въ 8.000 руб., и это былъ цензъ, открывавшій дорогу въ мировые судьи.

Само собою разумѣется, что получался судья, скрученный вервиемъ по рукамъ и ногамъ; получался чиновникъ пятого класса по буквѣ закона, но, увы, онъ не могъ быть судьей по духу и смыслу устава Великаго Царя-реформатора.

И много я видѣлъ въ своей жизни печальныхъ фактовъ, когда столь судьи смѣнялся скамьей подсудимыхъ, когда въ великолѣпномъ переплетѣ судебные уставы замѣнялись грессъ-бухомъ какой-нибудь заводской конторы и то ради Христа, а судейское величіе потоплялось съ горя на днѣ четвертной бутылки водки знаменитой вдовы Поповой...

Нѣтъ, нѣтъ! Если будутъ у насъ судьи выборные, то они должны ради своей независимости имѣть настоящій имущественный цензъ, а не поддѣльный, не аплике, на манеръ франтовскаго бѣлья „Мей и Эдлехъ“; а если отъ короны, то, конечно, съ дипломомъ высшаго учебнаго заведенія. Только тогда и можно ждать, что „правда и милость да царствуетъ въ судахъ“!

И прежде „правда“, а потомъ уже „милость“.

* * *

Когда съ однимъ изъ мировыхъ судей, обладавшихъ такимъ опереточнымъ имущественнымъ цензомъ, случилась катастрофа и онъ остался не у дѣлъ, безъ средствъ къ существованію, и принужденъ былъ принять должность скромнаго заводскаго конторщика, то на его мѣсто избрали въ мировые судьи гусарскаго маіора въ отставку. Это былъ умный, тактичный, дѣловитый и самостоятельный господинъ, съ порядочными средствами, дававшими ему возможность заниматься въ теченіе трехъ лѣтъ рѣшеніемъ не одного только вопроса: какъ и кому именно изъ земскихъ гласныхъ угодить своею службой, хотя и съ нѣкоторымъ уклоненіемъ отъ правды, но и вообще добросовѣстно исполнить свои судейскія обязанности.

Я имѣлъ случай съ нимъ познакомиться, бывать у него, часто встрѣчаться въ домахъ общихъ знакомыхъ, а одно лѣто провести съ нимъ вмѣстѣ на дачѣ.

Онъ въ карты не игралъ, романсовъ не пѣлъ, пилъ весьма умеренно и рѣдко, и мы частенько удалялись съ нимъ въ какой-нибудь укромный уголокъ и разговаривали. Его рассказы были крайне интересны, особенно когда касались службы въ Западномъ краѣ во время владычества тамъ М. Н. Муравьева.

Нѣкоторые изъ выдающихся его рассказовъ я и занесу въ свои воспоминанія.

* * *

„Тяжелая была наша служба ординарцевъ при генераль-губернаторѣ Муравьевѣ. Самъ работникъ безпримѣрной двадцатичасовой трудоспособности въ сутки, онъ того же требовалъ и отъ насъ, и отъ канцеляріи, и отъ войска. Явиться къ нему только-что съ дѣла, имъ же мнѣ порученнаго; доложить ему все обстоятельно и правдиво; соврать было нельзя ни одного слова. Онъ сидитъ въ своемъ креслѣ, внимательно слушаетъ, не глядя на тебя... Малѣйшая не только фальшь въ докладѣ, о фальши нечего было и думать, а неточность... неопредѣленность... нелогичность... и ужъ въ тебя изъ-подъ нависшихъ, густыхъ сѣдыхъ бровей устремляется молчаливый упорный взглядъ, требующій объясненій...

Доложишь и слышишь отпускъ:

— Ступайте, отдохните; вы скоро мнѣ понадобятся.

Поклонись, слегка щелкнешь шпорой и, налѣво кругомъ маршъ, уходишь.

Разбитый добираешься до постели, снимешь венгерку, приляжешь на минуту отдохнуть и, неожиданно, усталый, измучен-

ный, засыпаешь мертвымъ сномъ и въ рейтузахъ, и въ сапогахъ.

Но прискакалъ казакъ и требуетъ къ его сіятельству.

Денщикъ съ большимъ трудомъ разбудить меня; встанешь. протираешь глаза, ничего не понимаешь... Но вотъ до твоего слуха доходятъ волшебныя слова:

— Графъ требуетъ!

Куда и сонъ убѣжить! Сразу изъ міра сладкихъ сновидѣній спускаешься на землю: умоешься, одѣнешься и на всѣхъ парахъ летишь къ виленскому самодержцу.

У него сегодня приѣмъ. Приѣмы были удивительные: громадный залъ; ординарцы выстраиваются въ два ряда отъ дверей генераль-губернаторскаго кабинета вплоть до входныхъ, откуда выпускается лицо, желающее видѣть генераль-губернатора; онъ выходитъ изъ своего кабинета, молчаливо останавливается, сдѣлавъ два—три шага, бросаетъ взглядъ на представляющагося и отчетливо говорить:

— Я васъ слушаю.

Тотъ громко, не торопясь, черезъ весь залъ долженъ изложить свое дѣло, которое тутъ же и рѣшалось: коротко, тономъ, не допускающимъ возраженій, безапелляціонно; и т. д. все въ томъ же духѣ.

Приѣмъ конченъ.

— Поручикъ А. ко мнѣ въ кабинетъ, а прочіе свободны.

Идешь и невольно думаешь: Господи! Неужели опять командировка? Да вѣдь это же каторга! Но... разговоровъ никакихъ не допускалось...

Входишь и видишь: онъ ужъ на своемъ мѣстѣ и разбираетъ бумаги.

— Я получилъ свѣдѣніе, что въ имѣніи графа П. существуетъ мастерская, которая заготавливаетъ конфедератки, кунтуши, бѣлье, корпію для повстанцевъ. Въ подвалахъ и погребахъ запасъ оружія. Возьмите сотню казаковъ и взводъ гусаръ; отправляйтесь сейчасъ же туда, съ такимъ расчетомъ, чтобы къ имѣнію вамъ подѣхать ночью... тихо. Окружить домъ со всѣхъ сторонъ, чтобы и заяцъ не могъ пробѣжать мимо васъ незамѣченнымъ. Войти въ домъ и всѣхъ арестовать. Арестовать главнымъ образомъ графа и графиню. Поняли?

— Такъ точно, ваше сіятельство.

— Ступайте. Я рассчитываю на вашу ловкость, вашъ тактъ и здравый смыслъ.

Выйдешь отъ него, распорядишься, приготовишь все къ немедленному выступленію, а самъ, проклиная судьбу, ѣдешь домой снаряжаться въ походъ.

Черезъ часъ уже готовъ; садишься на коня и ѣдешь въ кавармы, на дворѣ которыхъ и гусары, и казаки съ хорунжимъ во главѣ давно ждутъ меня. Спасибо, ѣхать не особенно далеко. Трогаемся съ такимъ расчетомъ, чтобы прибыть на мѣсто только къ ночи и застать все съ поличнымъ на мѣстѣ преступленія.

Ночь темная; дорога видна только благодаря снѣжной пеленѣ, ее покрывающей; въ отрядѣ гробовое молчаніе, курить не позволялось; все производящее шумъ и громъ подвязано и прикрѣплено...

Я ѣду съ хорунжимъ впереди отряда и зорко вглядываюсь въ окружающую меня тьму, но проникнуть въ нее тщетное стараніе.

Хорунжій—высокій здоровый малый,—косая сажень въ плечахъ; взглянуть на его кулачище—оторопь возьметъ.

Тихо сговариваемся съ нимъ, распредѣляемъ роли, составляемъ планъ дѣйствій. Вотъ, наконецъ, и небольшой лѣсокъ, за которымъ долженъ показаться громадный трехъэтажный замокъ графа.

Вступая въ лѣсную чащу, я командовалъ отряду перестроиться въ колонну по два въ рядъ, такъ какъ ширина дорожки не допускала возможности двигаться иначе. Охраняя отрядъ отъ нечаяннаго нападенія, я распорядился устроить цѣпь казаковъ, которые должны были отдалиться нѣсколько въ стороны и наблюдать.

Но тишина парила могильная; никакихъ предосторожностей со стороны повстанцевъ принято не было; очевидно, такихъ частей въ замкѣ ясновельможнаго графа никто не ожидалъ.

Когда я во главѣ колонны вышелъ изъ лѣса, передъ моими глазами появился замокъ, всѣ три этажа котораго были освѣщены. Замокъ стоялъ за довольно высокою бѣлой стѣной. Я послалъ урядника съ двумя казаками обследовать мѣстность и найти входъ; если при входѣ будетъ сторожъ, то арестовать его и не дать ему возможности подать какой бы то ни было знакъ; два казака должны были остаться на мѣстѣ караулить его, и, въ случаѣ надобности, не останавливаться даже и предъ лишеніемъ его жизни, а третій—прискакать и доложить мнѣ, когда все будетъ готово.

Такъ все и сдѣлалось. Черезъ полчаса, которые я употребилъ на приведеніе отряда въ боевое положеніе, проводникъ-казакъ вернулся, и мы съ величайшею осторожностью двинулись впередъ. Черезъ десять минутъ замокъ былъ уже окруженъ казаками, а я и хорунжій съ гусарами вошли во дворъ замка.

Огни горѣли во всю—слѣдовательно, вся подготовка была продѣлана образцово. Я, хорунжій и десятокъ гусаръ сошли съ лошадей и взобрались на высокое крыльцо. Я дернулъ за звонокъ; въ замкѣ послышалось движеніе, суматоха; мѣстами стали тушить огни...

Входная дверь немного пріотворилась. Старикъ-лакей, во фракѣ съ гербовыми пуговицами, красномъ жилетѣ, бѣломъ галстухѣ и штиблетахъ, увидя насъ, хотѣлъ захлопнуть ее, но хорунжій сильною рукою успѣлъ схватить старика за борта его ливрейнаго фрака и сдать на руки гусарамъ.

Мы вошли въ переднюю и быстро поднялись по бѣлой мраморной лѣстницѣ, устланной богатѣйшимъ бархатнымъ ковромъ. Дверь въ залу отворена; посреди стояло нѣсколько большихъ столовъ, за которыми сидѣли и работали тридцать-сорокъ женщинъ. Обрѣзки сукна, выкройки, ножницы, куски подкладки и разнаго портновскаго приклада виднѣлись вездѣ и всюду.

Всѣ доказательства были налицо.

Навстрѣчу намъ шла молодая, красивая женщина; черное скромное платье облило ее высокую, стройную фигуру... Блѣдность разлилась по ея лицу... Изъ черныхъ глазъ сыпались искры.

— Вѣроятно, вы не откажитесь сообщить мнѣ, чему я обязана вашимъ посѣщеніемъ? строгимъ тономъ, но сдержанно, заговорила она.

— Если не ошибаюсь, я имѣю честь говорить съ графиней...

— Да вы не ошибаетесь.

— А вашъ супругъ?

— Онъ сейчасъ придетъ...

— Простите, графиня! я имѣю крайне непріятное порученіе отъ графа Муравьева... произвести въ вашемъ домѣ обыскъ и наложить арестъ...

— Какъ?! Это въ моемъ домѣ? Да кто-же вамъ далъ на это право?

— Право это, графиня, вытекаетъ изъ военнаго положенія, введеннаго въ Литвѣ и Польшѣ...

Въ это время подошелъ къ намъ небольшого роста толстенный человѣчекъ, на коротенькихъ кривыхъ ножкахъ; то былъ ея супругъ. Онъ просто и съ милою улыбкой отрекомендовался мнѣ и спросилъ—въ чемъ дѣло?

Я и ему отвѣтилъ въ томъ-же духѣ, какъ и его женѣ.

— Да... вы правы... сопротивленіе напрасно: замокъ окруженъ казаками... сила содому ломить... Приступите къ вашимъ обязанностямъ...

И онъ отошелъ въ сторону.

Сколько презрѣнія свѣтилось во взглядѣ графини, которымъ она проводила своего мужа!..

— Но... но... позвольте мнѣ на одну минутку просить васъ въ другую комнату, заговорила графиня упавшимъ голосомъ.

— Я къ вашимъ услугамъ..

Она тронулась впередъ, я за нею, шепнувъ казаку остаться здѣсь и за всѣмъ наблюдать.

Мы прошли рядъ комнатъ; вездѣ столы, на которыхъ валялась работа; на лицахъ всѣхъ работницъ былъ испугъ; всѣ молча стояли около своихъ мѣстъ, мрачныя, подавленные, убитыя...

Мы вошли въ ея будуаръ; она плотно притворила за мною дверь и дрожащимъ отъ волненія шопотомъ заговорила:

— Граница отъ насъ въ 30 верстахъ... черезъ два часа мы можемъ быть внѣ власти Муравьева... вотъ шкатулка съ моими вещами... онѣ стоятъ милліонъ... только не губите невинный народъ... онѣ ни причемъ... Мы, польки, не остановимся ни предъ какими жертвами... По... ни... ма... ете?!.

Тутъ она вскинула на меня самый выразительный взглядъ... И... знаете... былъ моментъ, когда я заколебался... Эта сама грація, само изящество, тянула меня къ себѣ, какъ магнитъ... Я уже готовъ былъ сдѣлать одинъ только шагъ... пасть къ ея ногамъ и прошептать: „я въ твоей власти!“...

Но тутъ... изъ Вильны... на меня сверкнулъ другой взглядъ... изъ подлобья... изъ-подъ сѣдыхъ бровей... взглядъ стараго, русскаго сторожевого пса... Я зналъ, что никакая граница не спасетъ меня отъ желѣзной лапы, подъ которой стояла цѣлая Литва, и отъ... петли...

— Нѣтъ, графиня, этого быть не можетъ... покоритесь судьбѣ... васъ и вашего мужа я долженъ арестовать, а прочіе... всѣ свободны...

— Благодарю и за это... за себя, и за мужа я не прошу... Мы еще найдемъ выходъ...

Позвольте мнѣ только переодѣться.

Она протянула мнѣ свою породистую руку, крѣпко пожала мою, и я вышелъ изъ будуара.

Черезъ часъ карета, съ графскими гербами на дверцахъ, четвернею заводскихъ лошадей лихо выносилась изъ воротъ замка подъ эскортомъ взвода гусаръ, а хорунжаго съ казаками я оставилъ на мѣстѣ, какъ для охраны дома, такъ и для производства обыска.

Н. Морозовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

